

Андрей Курпатов
в соавторстве с А.Н. Алехиным

Индивидуальные отношения

теория и практика эмпатии

PSYCHOSOPHIA

Андрей Курпатов

**Индивидуальные отношения.
Теория и практика эмпатии**

«Курпатов А.В.»

Курпатов А. В.

Индивидуальные отношения. Теория и практика эмпатии /
А. В. Курпатов — «Курпатов А.В.»,

Монография посвящена феномену эмпатии – ключевому «параметру» психотерапевтического процесса и необходимому «условию» процесса развития личности. Здесь рассматриваются суть, форма, основные характеристики эмпатии, а также дифференциальная диагностика и способы реализации эмпатии. Книга представляет взгляд на эмпатию с точки зрения Востока и Запада, объясняет роль эмпатии в процессах формирования и развития личности, дает описание феноменов социогенной агрессии, социального одиночества и кризиса института брака. «Индивидуальные отношения – это сущностные отношения. Мы можем входить в контакт с я-отождествленными и я-неотождествленными ролями человека, с его мировоззрением, характером, установками... но можем взаимодействовать и с ним самим. Ведь то главное в человеке, что важно для нас – это он сам. Потому что только через него мы и можем быть самими собой, настоящими. В таких индивидуальных отношениях – с самим собой, с миром, с людьми – скрыт огромный потенциал внутреннего роста. Не помнить об этом, не уметь видеть эту часть жизни, и не использовать этот потенциал – это преступление».

© Курпатов А. В.

© Курпатов А.В.

Содержание

Предисловие	5
Общий раздел	12
Глава первая	12
Методологическая проблема	12
Органопсихический вектор	13
Гносеологический вектор	16
Онтологический вектор	17
Личностный вектор	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Курпатов А. Алехин

Индивидуальные отношения Теория и практика эмпатии

Предисловие

Так все складывалось, что этой книге не суждено было увидеть свет. Ее первоначальный текст был написан в 1995 году и являлся, по сути, продолжением тех работ, которые сейчас опубликованы под названием «Философия психологии (новая методология)» и «Развитие личности (психология и психотерапия)». Но тогда возникли серьезные проблемы с изданием. Мы с трудом опубликовали теорию личности в «Вестнике Балтийской педагогической академии», а затем символическим тиражом вышла «Философия психологии», в которой в сжатом виде были представлены новая методология и теория личности. На все это ушло несколько лет, за которые, впрочем, многое изменилось. В результате текст «продолжения» завершен не был, а у авторов изменился акцент научных поисков – место «отношений» прочно заняло «поведение».

В середине девяностых нам казалось, что основой психотерапии должен стать процесс развития личности, но поскольку работы по созданию системной поведенческой психотерапии дали новые и неожиданные результаты, к концу девяностых стало понятно, что психотерапия – сама по себе, а психотерапевтическое сопровождение процесса развития личности – само по себе. Психотерапия должна заниматься лечением психических расстройств пограничного уровня, основываясь на понимании «механики» этих самых расстройств, а психотерапевтическое сопровождение процесса развития личности актуально только в тех случаях, когда пациент (клиент) обращается к врачу с кризисом личностного роста, и в этом случае приоритетной является уже «механика» развития личности. Рассчитывать же, что процесс развития личности может стать локомотивом психотерапевтической работы, как оказалось, слишком наивно.

Да, в процессе развития личности человек, как правило, избавляется от психических расстройств пограничного уровня, если они у него были. В этом смысле психотерапевтическое сопровождение процесса развития личности является в каком-то смысле даже терапевтичным (впрочем, мы всегда считали, что здесь важна последовательность – сначала терапия, а потом уже развитие личности). Кроме того, если развитие личности пациента (клиента) получило толчок во время психотерапевтической работы с врачом, то последующая работа психотерапевта по содействию этому процессу позволяет закрепить терапевтические результаты прежней – собственно психотерапевтической – работы. Однако же, нельзя уповать на то, что развитие личности будет «лечить» психические расстройства с тем же успехом, что и психотерапия. И если в середине девяностых у авторов еще сохранялись какие-то иллюзии на этот счет (хотя нашим основным терапевтическим методом всегда была именно поведенческая психотерапия), то к концу девяностых таких иллюзий уже не осталось.

В 2001 году у нас появилась возможность издать часть прежних текстов по новой методологии и теории личности ¹. И тут стало понятно, что теория личности, включая описание процессов ее формирования и развития, должна быть серьезно доработана. Отчасти это было связано как раз с прогрессом, достигнутым в работах по системной поведенческой психотерапии, отчасти – с появлением большого количества новых, в основном переводных, работ по

¹ Книга вышла в 2002 году под названием «Психософия: методология, развитие личности и психотерапия».

интересующим нас проблемам. Так или иначе, но раздел, посвященный теории личности, был, по сути, написан заново. Тогда же появился термин – «психотерапевтическое сопровождение процесса развития личности», который разграничил собственно психотерапию, с одной стороны, и психотерапевтическое пособие в рамках личностного роста – с другой.

Все эти незначительные детали важны лишь для прояснения возникшей в определенный момент путаницы. Дело в том, что изначально авторы анонсировали не системную поведенческую, а «паттермальную» психотерапию, основу которой, согласно их представлениям, должны были составлять паттерны индивидуальных отношений человека с миром, с другими людьми и с собой (отсюда и слово – «паттермальная»). Но впоследствии, именно благодаря указанным изменениям 2002 года, от самого этого понятия ничего не осталось. Термин «психотерапевтическое сопровождение процесса развития личности», а также разделение психотерапевтического сопровождения процесса развития личности и психотерапии (системной поведенческой психотерапии), оказались более правильными, нежели попытки ввести понятие «паттермальная психотерапия». Но текст этой книги – «Индивидуальные отношения» – как раз являлся своего рода введением или предисловием к паттермальной психотерапии. Поскольку же она «отменилась», то подобное предисловие к ней оказалось ненужным.

Вместе с тем, материал этой книги, посвященной индивидуальным отношениям, имеет свой собственный смысл и по-своему важен, но поскольку теперь этот текст не служил введением в паттермальную психотерапию, его форма не соответствовала задачам, а потому книга нуждалась в серьезных исправлениях. Вот, собственно, по этим причинам у нее практически и не было больших шансов оказаться опубликованной. Эти шансы существенно выросли совсем недавно, когда появилась возможность издать все мои научные работы и встал вопрос о том массиве текстов, которые были созданы в середине девяностых. Тематически они освещали три вопроса – это новая методология, теория личности и индивидуальные отношения, а потому и было принято решение издать три самостоятельных книги, которые получили название «Философия психологии», «Развитие личности» и «Индивидуальные отношения». Хронологически эта книга написана третьей, но вторая – «Развитие личности», – как уже было сказано, позже подверглась серьезной переработке, а поэтому она – и третья, и вторая одновременно.

Почему это важно? Дело в том, что книги рождаются в том контексте, в котором они рождаются. Всякий текст, выражаясь иначе, создается в том интеллектуальном пространстве, в котором он создается, возникая как некая фигура на фоне, и в этом смысле, он без него немыслим. Изменяя фон, мы автоматически меняем фигуру, что не всегда правильно. Вот почему все, что касается цитат и прочих отсылок, они сохранились в этой книге прежними, образца 1995 года. «Индивидуальные отношения» были написаны, когда авторы еще не знали, например, работ Жака Лакана (лишь только критику), поэтому тема «Другого» здесь, с одной стороны, самобытна, с другой стороны – недостаточна. В этом есть свои плюсы и свои минусы. Но ввести сейчас в эту книгу отсылки к Ж. Лакану (что было сделано, например, в «Развитии личности», но там соответствующие разделы были полностью переработаны) – значило бы изменить всю логику настоящего текста, которая в данном случае, возможно, даже важнее каких-то деталей.

Вместе с тем, книга все-таки подверглась существенной переработке. Когда-то я сильно расстраивался из-за невозможности издания этого текста, но сейчас даже рад тому, что он отлежался. Перед настоящей публикацией мне пришлось обстоятельно его отредактировать, с тем чтобы, так сказать, «расчистить» мысль. В результате это привело к серьезному сокращению текста, что, вероятно, как-то ухудшило его качество (часть информации выглядит слишком тезисной), но, сохранив главное и расставшись со второстепенным, он несомненно приобрел большую ясность. Впрочем, поскольку и в области методологии, а также в области теории и практики психотерапии многое теперь воспринимается иначе, от меня потребовалось большое количество усилий, чтобы не пытаться его полностью переделывать. Уверен, что в результате

такой переделки он бы просто умер. Слишком объемная ему предстояла операция. Поскольку же я считаю его важным, мне пришлось сокращать «ответвления» и менять язык, оставляя при этом прежнюю логику изложения.

Почему этот текст кажется мне важным? Наверное, отчасти это объясняется новым названием книги, а точнее, ее подзаголовком – «Теория и практика эмпатии». Если мы посмотрим книги по психологии и психотерапии, вышедшие в России до 1995 года, то не так-то просто будет найти в них упоминание этого, ставшего теперь таким популярным, термина. Нет его и в этой книге, хотя речь идет именно о теории и практике эмпатического принятия. Впрочем, тут снова вопрос – а что считать этой самой эмпатией? Поскольку сама эмпатия относится к числу тех феноменов, которые являются сугубо субъективными, – ее не пощупать, не измерить – ответ на этот, как кажется, достаточно простой вопрос представляет собой гигантскую трудность. Внешне все достаточно просто: слово «эмпатия» происходит от греческого *empathia*, что значит *сопереживание*. Добавим сюда то, что это психотерапевтическая техника (или, по крайней мере, психотерапевтический инструмент), и станет понятно, что речь идет о некоем вчувствовании терапевта в состояние, в переживания пациента. И тут начинаются сверхъестественные трудности...

Психотерапевт, кроме того, что он человек, находится «при исполнении», то есть выполняет определенную работу. Если считать, что эта работа состоит исключительно в «принятии» пациента (клиента) таким, какой он есть, то есть в выслушивании и одобрении, чем, в целом, ограничивается пациент-центрированная психотерапия Карла Роджерса, то тогда никаких проблем, в принципе, не возникает. Мы сочувствуем, принимаем, одобряем и поддерживаем – эмпатия как она есть.

Но что если психотерапевт считает свою работу чуть более сложной (не психологически, разумеется, а технически), то есть подразумевает, что его пациент (клиент) в чем-то не прав, где-то допускает ошибки, в чем-то движим неосознанными мотивами и так далее? Тут с эмпатией, как с элементом психотерапевтического процесса, сразу возникают серьезные проблемы. Теперь уже психотерапевт вынужден выбирать – чему он будет сочувствовать, а чему не будет. Не может же он, воспринимая своего пациента (клиента) в рамках такого подхода, с сопереживанием относиться к его заблуждениям, ошибкам или к его иррациональному поведению, осуществленному под давлением неосознанных мотиваций. Не может. Как возможна такая ситуация, когда мы в целом по отношению к человеку проявляем эмпатию, но параллельно с этим какую-то его часть, пусть даже и «неправильную», болезненную, не принимаем? Нет, это какой-то абсурд. Я или принимаю, или не принимаю, я или сочувствую, или не сочувствую. Не будем строить на этот счет иллюзий. «Я ему сочувствую, но думаю, что он не прав» – это может быть чем угодно – жалостью или признаком хорошего воспитания, но это не сочувствие, не сопереживание. Тут как с беременностью, которая частичной не бывает – или да, или нет.

Теперь пойдем дальше и представим себе психотерапевта, который сочувствует пациенту (клиенту) в том, что является его истинной проблемой, но сам пациент (клиент) пока (или в принципе) не ощущает это как проблему. Простой пример: мужчина, будучи сиротой, от которого еще в младенчестве отказались родители, воспитывался в жестких условиях интерната и не умеет устанавливать по-настоящему крепкие эмоциональные связи с другими людьми. Он переживает, потому что у него не складываются личные отношения, что его обманывают, предают, что от него отказываются, что им пренебрегают и так далее. Почему это происходит? Ну, потому что он просто не умеет поддерживать с людьми эмоционально близкие отношения, не понимает женщин, которые страдают от его «холодности» и нечувствительности. Но переживает ли он сам оттого, что ему неизвестны чувства эмоциональной близости? Зачастую, нет, не переживает, потому у него просто никогда не было такого опыта, да и сама способность к такому переживанию в нем не развита. Как он может тяготиться ее отсутствием? Результаты отсутствия этой способности его печалят, но не собственно отсутствие способности. А чему

будет сочувствовать психотерапевт, если в нем это сочувствие появится? Тому, что у этого его пациента (клиента) не складывается жизнь, или тому, что он как инвалид, как «деревянный», как слепой или немой? Разумеется, второе. То есть, психотерапевт проявляет эмпатию, а на той стороне одно недоумение – мол, не тому сопереживаете, доктор, все нормально я чувствую, у меня другая проблема: меня женщины бросают, а я хочу семью! Да, то, что бросают, – это, конечно, печально, но куда печальнее то, что они и будут это делать, потому что он, в каком-то смысле, эмоционально инвалидизирован. Можно ли назвать это отношение к своему пациенту (клиенту) принятием? И да, и нет. Сопереживание есть, но ощущение со стороны пациента (клиента), что ему сопереживают, у него отсутствует.

Наконец, третий аспект: некоторые авторы расценивают, например, нейролингвистический «рапорт» как проявление эмпатии, впрочем, тут можно говорить не только об этой конкретной технике, но и о других, схожих по сути. Речь идет о такой ситуации, когда благодаря работе психотерапевта между ним и пациентом (клиентом) устанавливается прекрасный психологический контакт, у пациента (клиента) возникает ощущение доверия, а сам психотерапевт проявляет почти «телепатические способности» – все понимает, обо всем догадывается. При «внешнем осмотре», при оценке «эффекта» сомнений практически не возникает – перед нами эмпатия в чистом виде! Но... Можем ли мы расценивать техническую процедуру как проявление сочувствия, сопереживания, собственно вчувствования? Нет, техническая процедура – это техническая процедура, а описанный эффект говорит нам лишь о высоком профессионализме специалиста. «Подстроиться» к пациенту (клиенту), понять, как он думает и что чувствует, – это альфа и омега психотерапевтического процесса, но это не есть некое *личное* участие психотерапевта в переживаниях пациента. Тут, скорее, напротив – высокий уровень здравого, разумного, рассудочного подхода. В каком-то смысле, здесь специалист больше даже изображает сочувствие (хотя и неправильно так говорить), наигрывает его. Разумеется, это делается только с одной целью – получить максимум информации и добиться максимального терапевтического эффекта. Но сам факт того, что нам приходится делать подобные оговорки, свидетельствует о том, что перед нами не эмпатия (как бы мы хотели ее понимать), но виртуозная работа, благодаря которой *пациент (клиент) чувствует*, что ему сопереживают, что за него болеют, что он важен, что его принимают и поддерживают, хотя, на самом деле, вполне возможно, сам психотерапевт не испытывает всей палитры этих чувств или, по крайней мере, не испытывает их так сильно, в той мере, как это может показаться и казаться пациенту (клиенту).

Специалисты, к сожалению, часто думают, что их способность вызывать доверие, входить в положение пациента (клиента), понимать его, предугадывать его поведение – и есть эмпатия. На самом деле, это конечно не так. И проблема не в чем-нибудь, а в самом этом понятии – эмпатии. Оно, откровенно говоря, просто неудачное, хотя и закрепилось в психологической науке. Почему закрепилось – понятно: феномен эмпатии есть, хотя, кроме него, за этим термином прячутся, как мы только что показали, самые разные иные, подчас совершенно не относящиеся к делу варианты отношений между психотерапевтом и его пациентом (клиентом). Тут возникают точно такие же сложности, как и с понятиями «невротик», «истерик», «психопат». Феномены есть, но названия не подходят, они называют и феномен, и еще с десятков других феноменов, которые к нему примыкают, но существенно, а подчас и принципиально отличны. Это как ружье со сбитым прицелом – все вроде делаем правильно, а по мишени не попадаем. Вот почему в заглавие книги приходится выносить название – «эмпатия», а говорить не о нем, потому что о нем лучше вообще не говорить, поскольку это только создает лишь дополнительную путаницу.

Итак, о каком же феномене идет речь? В целом, любой специалист вправе понимать под «эмпатией» все, что ему заблагорассудится, – хоть то, хоть другое. Как уже было сказано, эмпатия не измерима и не определима, а потому субъективна и, соответственно, может толковаться

специалистами так, как им удобно. Но феномен, который действительно имеет место быть, имеет место быть. И это не сострадание, не определенное мировоззренческое отношение к человеку (в принципе – к человеку), не профессионализм психотерапевта, выражающийся в способности к высокой конгруэнтности в отношениях, это нечто совсем иное.

В теории личности, разработанной на основе новой методологии, этот феномен получил название «индивидуальные отношения». И в данном случае принципиально важны оба слова – и *индивидуальные*, и *отношения*. Под «отношениями» тут понимается то, что *возникает между двумя людьми*, – это не «отношение к», и не «мое отношение», и ни что другое, но только «отношение между». Индивидуальные отношения не принадлежат ни тому и ни другому из двух людей, они – паттерн взаимодействия, в пространстве которого разворачиваются события их коммуникации. Поэтому индивидуальные отношения всегда симметричны, то есть не может быть так, что кто-то из двух людей, состоящих в этих отношениях, чувствует их больше, а кто-то меньше, могут переживать чуть-чуть по-разному, но в сущности – идентично. Понятие «индивидуальности» в этом термине указывает на источник этих отношений, то есть на то, какой своей «частью», если можно так сказать, человек участвует в этих отношениях. Если бы речь шла о неких «ролях» (отождествленных или отождествленных), то такие отношения являются «формальными». Здесь же речь идет об индивидуальных, то есть о сущностных отношениях, об отношениях, в которых задействована сущность человека, его индивидуальность, а потому они и называются «индивидуальными».

Рассказывать сейчас об индивидуальных отношениях что-то еще – бессмысленно, поскольку этому феномену посвящена вся книга. Здесь же важен другой вопрос, терминологического свойства: можем ли мы называть индивидуальные отношения – эмпатией? И да, и нет, и даже, несмотря на избранное название книги, скорее нет, чем да. Просто, когда речь заходит об эмпатии, мы должны понимать, что это, с одной стороны, *такой дискурс* (то есть, набор разного рода тематических суждений о некоем «абстрактном предмете», причем, суждений, зачастую, весьма противоречивых), а с другой стороны, это нечто несказуемое, о чем мы пытаемся говорить (ведь феномен нельзя *сказать*, можно сказать лишь «о нем», а это, мягко говоря, разные вещи).

Что в данном случае является феноменом? Если мы соглашаемся с тем, что в случае эмпатии речь идет об индивидуальных отношениях, то мы таким образом решаем очень серьезную «методическую проблему». Ведь, если в основе своей это индивидуальные отношения, то это уже проблематика развития личности, а не вопрос лечения душевных расстройств, и, соответственно, психотерапия – как медицинская специальность – сможет с чистым сердцем расстаться с понятием эмпатии. Это, кажущееся таким трагическим, расставание, на самом деле, оказывается необыкновенно целительным для дисциплины в целом. Отказ от понятия эмпатии позволяет нам спокойно и осмысленно выстраивать то здание, которое бы следовало назвать «гуманистическим континуумом психотерапии», оставив в стороне всю ту идеалистическую чепуху, которая до сих пор так часто превращает психотерапевтическую науку в некое текущее по древу, аморфное и безответственное «творчество».

То, что индивидуальные отношения и гуманистический континуум психотерапии – это разные вещи, стало понятно именно с утратой последних иллюзий на счет возможности создания «паттернальной психотерапии». Разделение психотерапии (системной поведенческой психотерапии) и психотерапевтического сопровождения процесса развития личности стало для нас своего рода финальным аккордом, устранившим знак равенства между феноменом индивидуальных отношений и феноменом гуманистического континуума психотерапии. Работа, профессия может требовать от специалиста определенных навыков – быть внимательным, чутким, понимающим, однако, она не может требовать от него быть искренним, любящим, абсолютно открытым. И если первое актуально для психотерапии, благодаря чему психотерапевт создает определенную атмосферу психотерапевтической работы (как хирург, создающий условия сте-

рительности в операционной), то второе – это вопрос личностных, индивидуальных отношений между двумя людьми, один из которых мог «по случаю» оказаться психотерапевтом, а другой его пациентом (клиентом).

Произвести это различие важно, но поскольку в данной книге речь пойдет лишь об этих личностных, индивидуальных отношениях, связанных с процессом развития личности, поэтому позволю себе сделать небольшое уточнение. Сам этот термин – «гуманистический континуум психотерапии» был мною предложен в 2000 году в работе, опубликованной в «Вестнике психотерапии». Заместителем главного редактора этого журнала являлся тогда профессор, доктор медицинских наук О.Н. Кузнецов – наш общий с А.Н. Алехиным учитель. Вот Олег Николаевич и предложил мне «отчитаться» на страницах своего журнала о той работе, которую я на тот момент проводил в Клинике неврозов им. И.П. Павлова. Дело в том, что выпуск предполагался тематическим и должен был быть посвящен «культурологическим аспектам психотерапии», а Олег Николаевич, памятуя мои прежние работы по библиотерапии и творчеству Ф.М. Достоевского, рассчитывал, что я напишу по этой теме некую «программную работу». Но в Клинике неврозов меня целиком и полностью занимала системная поведенческая психотерапия, и в результате у нас с Олегом Николаевичем даже состоялись своего рода «прения» на этот счет.

Тогда я пытался прояснить свою позицию: есть психотерапия (некая «механика» процесса), а есть «атмосфера», «среда», в которой она происходит, и хотя «среда» отчасти является терапевтической, не следует рассматривать ее как самостоятельное психотерапевтическое средство, потому как это размывает рамки психотерапии. По итогам этой беседы, во время которой, как мне кажется, мы так и не пришли с Олегом Николаевичем к консенсусу, я и написал работу, где использовал это «политкорректное», как мне тогда казалось, определение – «гуманистический континуум когнитивно-поведенческой психотерапии». И уже только после того, как эта работа вышла в журнале, стало понятно, насколько важным и значительным является этот, как казалось поначалу – «компромиссный» термин.

В действительности, ситуация того диспута, как я сейчас понимаю, объясняется очень просто. Сам Олег Николаевич никогда не разделял терапевтический эффект работы пациента (клиента) с психотерапевтом и «духовный», «нравственный», «экзистенциальный» эффект от этой работы, что было и безусловно сильной, и, одновременно с этим, слабой стороной его работы. И ему было непонятно, почему я отказывался принять в качестве самостоятельной терапевтической процедуры «гуманистический подход». Поскольку же разработанная нами с А.Н. Алехиным теория личности, а также описание процессов формирования и развития личности, сформировали необходимый научный фундамент, появилась возможность дифференцировать различные эффекты взаимодействия психотерапевта и его пациента (клиента).

Гуманистический подход, соответствующий взгляд на пациента (клиента), создает и атмосферу психотерапевтического лечения, и условия для потенцирования процесса развития личности пациента (клиента). Но в одних случаях эти условия потенцируют личный рост, а в других – нет. Если это произошло, то дальше мы уже не лечим, мы содействуем человеку в его личностном росте. При этом роль, положение и место психотерапевта в отношениях с пациентом (клиентом) меняются, что очень важно; теперь он уже не «врач», теперь он человек, находящийся на определенном уровне развития личности и обладающий определенным набором специальных знаний. Имеет ли место в данном случае «гуманистический континуум»? Нет, уже не имеет. Он актуален только для терапии, если же речь идет о сопровождении процесса развития личности, то здесь мы имеем дело уже не с *континуумом восприятия* («как-я-отношусь-к»), но с *реальностью отношений* – индивидуальных отношений.

Возвращаясь к структуре этой книги, остается сказать, что, кроме трех основных разделов, посвященных именно индивидуальным отношениям, в ней есть также «общий раздел», посвященный открытой системе психологии человека, и «дополнительный раздел», посвящен-

ный этоэстетике – проблематике «морали» в восприятии психотерапевта. Они также были написаны более десяти лет назад, и поскольку с тех пор многое было сделано в развитии этих идей, мне кажется важным обратить внимание читателей не столько на содержание этих разделов, сколько на тот подход, который они демонстрируют. Сейчас, например, мы намного больше можем сказать об открытой системе психологии человека, причем, не только в деталях, но и в методологическом аспекте, поскольку, как оказалось, такой подход позволяет не только коренным образом реформировать психологию (как науку о человеке), но и философию (как науку об истине).

Наконец, следует представить текст, который заканчивает эту книгу, является ее «приложением». Это неопубликованная часть моей, уже известной читателям книги – «Самоучитель по философии и психологии». Здесь история очень напоминает историю публикации «Индивидуальных отношений», но, на мой взгляд, она еще более забавна. Опубликованный вариант «Самоучителя» заканчивается указанием даты его написания – 1996–2002 годы. На самом деле, это не совсем так. Первая и вторая части книги («Самоучитель по философии» и «Самоучитель по психологии»), содержащие рассказы о Семен Семеныче, были написаны в 1996 году. В этом же году была написана и третья часть – «Просто самоучитель», но к моменту, когда в 2002 году у меня появилась возможность издать книгу целиком, текст ее третьей части меня уже абсолютно не устраивал. И тогда я полностью его переписал (именно в таком, новом, измененном виде, образца 2002 года, он и был опубликован), а изначальный текст лег под сукно.

Сейчас я вспоминаю один весьма примечательный разговор, который состоялся у меня с литературным редактором журнала «Реальность и субъект» – Дарьей Богачевой, и который показался мне странным. По крайней мере, я находился в некоторой растерянности. Дело в том, что в 2001 году в этом журнале уже начали публиковаться мои истории про Семен Семеныча, и я получил предложение издать текст третьей части книги в специальном выпуске журнала. Мой отказ, аргументированный несерьезностью и даже откровенной слабостью этой моей работы, очень удивил редакционную коллегию. Сам того не ожидая, я нарвался на множество лестных слов о своем тексте, которые, признаюсь, на свой счет не принял и посчитал необъективными. Тогда, помню, я еще раз, на всякий случай, просмотрел текст первого варианта третьей части «Самоучителя», убедился в том, что он никуда не годится, и через год, к публикации в книжном варианте, написал другой текст вместо прежнего.

Что же забавного в этой ситуации с моим «Просто самоучителем»? Сейчас, занимаясь подготовкой к изданию «Индивидуальных отношений», вынужденный сохранять в нем свою прежнюю «идеологию», я вдруг вспомнил об этом тексте. Вернулся к нему, перечитал и только теперь понял, почему шесть лет назад он казался мне абсолютно несостоятельным. Да, если оценивать его, занимаясь в этот момент работой над «Руководством по системной поведенческой психотерапии», то назвать его «серьезным» и «заслуживающим внимания», наверное, сложно. Но с точки зрения «Индивидуальных отношений», текст, действительно, и внимания заслуживает, и интересен по-своему, и, более того, словно специально для них написан. Так что, все это забавно, особенно, если учесть, что тут и автором, и критиком является один и тот же человек, который то сходится, то расходится с собой во мнениях, причем не по одному разу, ощущая при этом свою абсолютную самотождественность.

Наверное, поэтому сейчас в научном плане меня больше занимают «способы думать», нежели что-то, «о чем можно думать». В конечном итоге, именно «способы думать» определяют «то, что мы думаем», и более того – то, что мы видим или просто способны увидеть.

Андрей Курпатов

Общий раздел

Глава первая Открытая система психологии человека

Методологическая проблема

Очевидно, что психотерапевт должен пользоваться в своей работе некой структурированной системой знаний о человеке. Однако здесь возникают серьезные трудности, поскольку системы знаний, которыми располагает психологическая наука, к сожалению, не приспособлены для решения конкретных психотерапевтических задач. Все они закрыто-системны, то есть представляют собой определенный «тематический» *набор знаний*, которые заботливо уложены тем или иным ученым в прокрустово ложе какой-то частной, «локальной» психологической теории. Иными словами, не существует такой психологической теории, которая бы «охватывала» человека в его целостности, целиком. Любая такая теория, как бы хороша она ни была и, возможно, даже удобна для каких-то прагматических целей, она всегда отражает только какую-то часть психического. Тогда как люди, естественно, живут не частями, а всем своим существом одновременно, и, причем, непротиворечиво.

Эта методологическая проблема лежит, разумеется, на поверхности, но относится к числу тех «очевидностей», которые привычно игнорируются, не замечаются, а то и вовсе обходятся научной общественностью стороной. Впрочем, этому есть, как минимум, два вполне понятных и оправдывающих нас объяснения. Во-первых, зачем акцентировать внимание на проблеме, если ты все равно не можешь ее решить? Во-вторых, по большому счету и не психологам ее решать, поскольку речь идет о методологической слабости науки как таковой, а вовсе не о том, что психология плоха. Так или иначе, но попытки составить целостную, единую и непротиворечивую систему знаний о человеке, несмотря на отсутствие необходимой для этого методологии, не прекращаются. Традиционная академическая наука идет путем механического складывания отдельных знаний и открытий одно к другому – «фигура» человека не высекается целиком из камня, но составляется из отдельных частей, что, как известно, не сулит этой конструкции искомой прочности.

К сожалению, пока наука как таковая не располагает таким методологическим инструментарием, который бы позволил нам обращаться с открытыми системами (к числу которых, безусловно, относится и психика человека), не «убивая» в них «живое», то есть – не расчленяя, не дробя, не растаскивая по кускам то, что мы призваны изучать. «Вскрытие», как говорят, конечно, «покажет», но это не тот метод, которым можно изучать жизнь и функцию. Если нас интересует жизнь и функция, «анатомический препарат» (а традиционный анализ неизбежно превращает любой «живой» психический феномен именно в такого рода «мертвый» предмет) вряд ли будет нам интересен, тут нужны другие методы исследования.

Так или иначе, но создание методологического инструментария, который бы позволил исследователям от психологии бороться за достоверность, а главное – практическую состоятельность своих знаний, лежит на совести философов, собственно методологов, но не психологов-теоретиков или психотерапевтов-практиков. Однако, работы в этом направлении не ведутся. Философия давно отказалась от своей роли сопроводительницы научного знания, замкнувшись сама на себе, так что рассчитывать на помощь с этой стороны не приходится. Предложенный нами метод – новая методология, или методология открытых систем, или пси-

хософия, – как кажется, способен решить эту задачу^{1 2}, создать открытую систему знаний о психике (психологии) человека. Он предлагает исследовать психологический опыт «психософическим методом», структурировать результаты этого исследования, основываясь на «теории принципа» (то есть создать систему, которая позволит структурировать знания о психологии человека на несодержательных основах), и только затем насытить этот несодержательный остов конкретным содержанием. Выстроенная таким образом открытая система позволяет сохранить в изучаемом предмете «живое», видеть в нем не застывший объект, но движение этого объекта.

Вместе с тем, нельзя сказать, что данное решение является идеальным. Мы, в любом случае, не гарантированы от ошибок, сшибок и парадоксов, которые неизбежно возникают между содержательными элементами системы. В данном случае, они не могут стать «роковыми», оказаться разрушительными для системы в целом, поскольку все-таки основной каркас, остов системы, благодаря «теории принципа» обустроен несодержательными понятиями, конфликт между которыми невозможен. Но «поверхностные» противоречия неизбежны и обусловлены, прежде всего, собственной игрой языка, пространством языковых игр. Кроме того, необходимо помнить, что, на какие бы ухищрения мы ни пошли, рамки содержательности заслоняют от нас эйдосы (сущности). И тут обнаруживает себя следующая проблема... Мы не можем забывать, что пространство нашей – психотерапевтической – работы отнюдь не так однородно, как бы нам того хотелось. Работа психотерапевта с неврозами, в области пограничной психиатрии, непосредственно смыкается с его же работой как *человека с другим человеком*. С одной стороны, когда речь идет о психотерапевтическом *лечении*, он, конечно, выступает в качестве некоего внешнего фактора, оказывающего воздействие на психический аппарат, страдающий тем или иным расстройством. Но, с другой стороны, он при этом не перестает быть человеком, который входит в сущностный контакт, в *сущностное отношение* с тем человеком, психический аппарат которого «представлен» ему «на терапию».

Добиться комплиментарности между содержательной и несодержательной сферами крайне затруднительно, если вообще возможно. В этих случаях технология новой методологии предлагает следующий ход. Определяются вектора – аспекты психической активности человека, которые «покрывают» или, если угодно, расчерчивают все его поведение. Каждый из этих векторов рассматривается как уровневая система, которая позволяет исследовать содержательные и несодержательные аспекты. Внутри же содержания по каждому из векторов также определяются соответствующие сферы, которые позволяют формировать непротиворечивое общее представление о данном содержательном анклаве. В целом, выходит весьма замысловатая конструкция, но освоение всех ее звеньев весьма и весьма продуктивно.

В настоящей работе будут схематично представлены только некоторые части «открытой системы психологии», необходимые для более полного понимания одного из векторов этой системы, а именно – вектора личности, о котором более подробно мы рассказываем в книге «Развитие личности»². Конечно, материал теории намечен только пунктиром и с той лишь целью, чтобы создать у читателя некое представление о том, что имеется в виду, когда речь идет об открытой системе психологии. Цель данного раздела – лишь ознакомление с полем психологического знания, даже лишь частью этого поля.

Органопсихический вектор

Первый вектор открытой системы человека представляет собой, в определенном смысле, аналог психической организации животного, но именно специфично человеческий аналог. Вне зависимости от внешних условий (наличие или отсутствие социальных отношений, языковой среды, специфической трудовой деятельности и проч. и проч.) человек рождается *человеком* и

² Здесь и далее см. «Литература».

будет им, но в большей степени «человечность» проявляется в фило– и особенно в онтогенезе за счет или в системе с двумя другими подсистемами – личностной и гносеологической. При ближайшем рассмотрении этот первый вектор физиологичен по своей сути, именно поэтому данный аспект психического можно условно назвать «органопсихикой». И можно также сказать, что этот аспект психического есть производная психофизиологической структуры нервной системы человека и среды его обитания.

Содержательное отношение органопсихики человека и мира – есть отношение, условно говоря, информационного характера. Здесь мы прослеживаем этапы трансформации органопсихикой той информации внешнего мира, которая принимается и преобразуется ею, претерпевая своеобразные *уровневые переходы*. Мы исходим здесь из того, что познание – это, так или иначе, целостная система взаимодействия нас с миром, а следовательно, правомерно говорить о *познающем центре в нас* и обо всем прочем, что является «*внешним*» относительно этого *нашего центра в нас*. Понятно, что «внешним», в таком случае, мы считаем не только то, что происходит вне нашего тела, но и в нем, с ним. То есть, это не только наблюдаемые нами события окружающего нас мира, например, закат солнца или автомобильная катастрофа, но и то, что происходит в нашем теле, и даже то, что происходит в самой нашей психике, – тут и проявления диспепсии (желудочные боли, изжога и т. п.), и переживаемые нами чувства, абстрактный анализ, на который мы способны, и т. д.

Уровневый переход этой «внешней» информации в органопсихике является *этапным процессом*, сотканным из ее (органопсихики) *возможностей и тенденций*. Устройство этой системы представляется этапным в том плане, что каждый из процессов имеет свое место в иерархии, которая построена согласно первичности, вторичности и т. д. (но никак не значимости) этих процессов относительно друг друга. То есть информация, вступившая во взаимодействие с человеком, на каждом из этих этапов даст конкретный целостный вещественный результат (например, ощущение) случившихся отношений, но в дальнейшем путь этой информации по органопсихике продолжится (правда, правильнее было бы говорить, что с этого момента начинается новый путь – путь, в нашем примере, данного конкретного ощущения): она (уже видоизмененная) вступает во взаимодействие с новыми (другими) возможностями и тенденциями органопсихики, которые проявляются, являя на свет новые этапные процессы.

Оговоримся сразу, что этот процесс едионаправлен, то есть вступившая в отношения с органопсихикой человека информация, преломленная в ряду этапных психических процессов, не может быть, подобно обратной перемотке киноплёнки, возвращена в мир (внешний по отношению к нашему познающему центру) в своем первоначальном виде. И точно так же, если информация совершила этапный переход на уровне самих органопсихических процессов (например, из аффекта в чувство), она не может сделать «шаг назад», снова стать тем, чем была до этого этапного процесса (то есть, другими словами, из аффекта можно «получить» чувство, а из чувства аффект – нельзя).

Теперь коротко об этих уровнях и этапах, об этой своеобразной одиссее внешнего импульса по пространству психического.

Все, что дано нам в качестве результата отношения нашего познающего центра и внешнего по отношению к нему миру (информация), – дано в *ощущении*. Другими словами, все, что стало объектом нашего познания (в самом широком смысле этого слова), может войти в нас лишь через ворота ощущения. Ощущение, которое является результатом взаимодействия «познающего» и «внешнего», несет в себе как свойства собственно ощущаемого объекта, так и особенности восприятия, обусловленные характеристиками воспринимающего аппарата. Это *первый этапный органопсихический процесс*.

Взаимодействуя с ощущением («усвояемой», «удобоваримой» для «познающего» информации), органопсихика производит некую *первичную оценку* этой информации, это *второй этапный органопсихический процесс*. Возможности и тенденции органопсихики, явленные нам

на этом уровне, в процессе познания могут быть овеществлены нами в виде некой шкалы, причем сугубо индивидуальной для каждого из нас. Согласно тому, каким образом нанесены на нее метки «качественности» ощущения, будет происходить и первичная оценка данного конкретного ощущения, что следует именовать «валентностью» ощущения или первичной («+/-») оценкой.

Валентность (первичная оценка) – это то качественное значение, которое индивидуальная органопсихика присваивает ощущению в соответствии с индивидуальной *валентностной шкалой*. Нам не нужно научиться чувствовать боль, столкнись мы с этим ощущением в первый или в какой угодно другой раз, мы сразу же и однозначно валентностно оценим это ощущение как отрицательное. Но раз так, то что же заставляет нас говорить об индивидуальности этого оценивающего аппарата? Во-первых, разница в количественной оценке (так одно и то же болевое воздействие один оценит в «-1 балл» валентности, а другой в «-2 балла»). Во-вторых, возможно и качественное отличие в этой оценке, ведь есть индивиды, которые воспринимают одно болевое воздействие как привлекательное – со знаком «+», а какое-то другое как отрицательное – со знаком «-». Можно также сказать, что валентность – это некий *первичный аффект*, который в отличие от эмоции (см. ниже) пассивен в отношении «внешнего».

Именно тут с помощью валентности закладывается основа оценки «мне хорошо» и «мне плохо» – оценки весьма примитивной, в сравнении со всем многообразием возможных человеческих оценок, но очень важной. В зависимости от того, каким светом будет окрашено ощущение, определяется и все последующее действие. То ли эта оценка создаст умиротворенное состояние пассивной (изардовской) радости, то ли горя, как ответ на отрицательную валентность. Характер протекания всех последующих процессов определится здесь («как вы лодку назовете, так она и поплывет»). Так рождаются два фундаментальных «паттерна» – «хорошо» и «плохо», можно сказать, что валентность (первичный аффект) определяет направление, закрепляет его и делает явным для обладателя этих паттернов, для «меня».

После того, как ощущение приобрело свою валентность, информация, в нем заключенная, вновь вступает во взаимодействие с органопсихикой индивида, и реализуются новые возможности и тенденции последней. Теперь происходит создание *образа* – это *третий этапный органопсихический процесс*. Понятие «образа», впрочем, достаточно широкое; здесь под «образом» необходимо понимать, в первую очередь, гештальтирование, осуществляемое восприятием как таковым. Вместе с тем, образ – это далеко не то, что мы видим, слышим, осязаем и т. п. Образ – это то, что наша психика формирует на основе своего прежнего опыта. Вне зависимости от того, чувствуем ли мы, например, запах видимого нами объекта или нет, органопсихика «достраивает» в этом образе «недостающий» запах и даже способна сказать, насколько он силен. Она развернет видимое на плоскости изображение в трехмерном пространстве и во времени, поскольку образ для психики – это реальность, а последняя для нее – это обратная сторона способа существования (к которому относятся время, пространство, модальность и интенсивность). Так что, образ – это не только гештальт «объективной» фигуры и «объективного» фона, но и «субъективного» фона, а то и «субъективной» фигуры.

Фактически здесь, на этом уровне трансформации внешней информации, зарождается сознание, и мы переходим к *четвертому этапному органопсихическому процессу*, к тому, что рождается на стыке образа, а также новых (других, «следующих») возможностей и тенденций органопсихики, к *вторичной*, можно сказать – более детальной *оценке*. Если при валентностной (первичной оценке) в большей степени проявлялись модальность и интенсивность, то здесь оценка включает в себя и пространственное соотношение, и соотношение времени (прошлого, настоящего и будущего). Все это теперь организует оценку, которую мы называли вторичной. Определение, выделение этого этапа позволяет нам понять, почему такие, казалось бы, весьма глубокие органопсихические процессы, как аффекты, переживаются людьми в ситуациях, когда для них нет реальной причины. Образ воспринимаемого объекта уже несет

в себе некий конденсат всего содержательного наполнения психической сферы человека, и именно в таком – ассоциированном – виде он подвергается вторичной оценке и актуализирует «эмоцию». В этом случае собственно *внешняя*, «сторонняя» причина, действительно, не всегда обязательна.

Эмоции – это феномен *пятого этапного органопсихического процесса*, который представляет собой реакцию «меня» на «не-меня». Где «не-меня» – это вторично оцененный образ, развернутый в пространстве (его пространственных отношениях с «меня»), времени (сличенный с прошлым и развернутый в представлениях о будущем), модальности (всевозможных качествах и способах) и интенсивности (чрезвычайно динамичной внутри образов).

Только эмоция, из числа всех перечисленных выше феноменов, определенно тяготеет «во-вне» и, следовательно, доступна «рефлексии», и она – *рефлексия* – является результатом преломления эмоции и на следующем уровне органопсихики (*шестой этапный органопсихический процесс*). После появления рефлексии оценка оказывается не просто «оценкой для себя» или «оценкой для оценки», как это фактически было прежде, она становится «оценкой для взвешивания», «оценкой для выбора», мы уже в большей или меньшей степени способны контролировать внешнее проявление эмоций.

Очевидно, что содержание рефлексии актуализирует новые возможности и тенденции, заключенные в органопсихике. Взаимодействие последней и рефлексии рождает новое – *значение*, а как процесс – *понимание (первичное понимание)*, это *седьмой* (вторичный по отношению к эмоции) *этапный органопсихический процесс*. Рождается «отношение к эмоции», то есть то, как мы сами «оцениваем» в ощущении наше переживание. Здесь опять работает весь наш опыт, который, в соответствии со своими императивами, вновь видоизменяет реальность. Понятно, что такая экспансия «познающего», осуществляемая им на воспринятое «внешнее», практически ничего не оставляет от того, что было в первичной «информации» и далее в ощущении.

Значение (как отношение к эмоции, вызванной определенным отношением с «внешним») во взаимодействии с возможностями и тенденциями органопсихики (прежде всего, с понятийным аппаратом) рождает *чувство* – это *восьмой этапный органопсихический процесс*. Именно благодаря такому «высокому» положению чувства в иерархии этапных органопсихических процессов этот термин так часто используется с приставкой «высшие» чувства. Учитывая же то, что образованы они сложными, неповторимыми переплетениями компонентов индивидуального опыта каждого из нас, а также индивидуальной понятийной структурой человека, говорить о чувствах можно бесконечно, но так никогда и не договориться.

Гносеологический вектор

Второй вектор «открытой системы психологии» человека – гносеологический. При внешней схожести с органопсихическим вектором, гносеологический отличается от него сущностно. Органопсихический вектор можно назвать еще и вектором «реактивности», поскольку он дает нам представление о том, как видоизменяется информация, попавшая на воспринимающую поверхность психического, как она «приготавливается» психикой, как психика играет с нею, сдвигая ее раз за разом самой собой и параллельно строя из получающейся массы саму себя. В результате мы имеем три уровня – уровень ощущения, уровень эмоции, уровень чувства. Одно и то же явление, проходя через эти уровни, усложняется, видоизменяется и принимает специфическое для данного человека «звучание».

Гносеологический вектор говорит нам совсем о другом. Он говорит нам о своего рода «статусе» информации, о нашем отношении к ней, а еще точнее, о том, в какого рода отношении с ней – с информацией – мы, в принципе, можем состоять. Мы можем ее просто воспринимать – уровень «субъекта». Мы можем включать ее в систему причинно-следственных связей, то есть определять ее место в системе нашего мировосприятия. Это уровень «субсубъекта».

Но можем и присваивать ее, распоряжаться ею, занять в отношении нее «распорядительную» функцию. Это уровень «трисубъекта».

В своей гносеологической части психософия (новая методология) рассматривает те уровневые переходы, которые осуществляет само по себе познание (как феномен) в процессе своей эволюции. Причем, сразу следует оговориться, что «эволюционный» подход важен здесь не с теоретических, но и из сугубо прагматических соображений, поскольку все эти этапы развития познания как феномена в «сжатом» виде присутствуют в каждом отдельном познавательном акте каждого конкретного человека. Точно так же, как в процессе своего эмбриогенеза человек проходит все стадии своего филогенетического развития, так в познавательной практике каждый акт нашего познания проходит в таком «сжатом» виде всю цепочку последовательностей «гносеологической эволюции».

Элементарная форма познавательного процесса свойственна *«субъектам»*, которые в терминологической системе психософии мало чем отличаются от «объектов». В данном случае речь идет просто о неких двух элементах, вступивших в информационное отношение, обменявшихся некой информацией друг с другом. «Субъект» здесь отличается от объекта только тем, что его мы рассматриваем как реципиента (получателя) информации. Вполне возможно, что тот элемент, который наречен нами «объектом», тоже получил информацию о нашем «субъекте», и, «встань мы на его место», он тоже представился бы нам «субъектом». В любом случае, на этом гносеологическом уровне мы говорим об элементарном обмене информацией, фиксирующем присутствие объекта в поле восприятия субъекта.

Следующий гносеологический уровень предполагает не простую констатацию факта присутствия объекта в поле восприятия субъекта, но и установление некой связи в этом поле между несколькими объектами. То есть, это уже познавательный аспект с формированием некоего заключения, это не просто факт передачи информации, но еще и внутренняя ее переработка с формированием причинно-следственных закономерностей. Системы, способные к этому, названы нами *субсубъектами*, поскольку здесь фактически наблюдается самополагание субъекта познания на самого себя. Такой познающий (субсубъект) формирует знание и причинно-следственные закономерности.

Но гносеологическая система человека устроена еще сложнее, он способен занимать активную позицию в отношении информации. Он не удовлетворяется одним только самополаганием на самого себя, он отрывает информацию от реальности и оперирует ею в сфере абстракции. Его «лингвистическая» социальность предполагает не простое обладание информацией, но возможностями и даже потребностью передавать имеющееся у него знание сородичу. Это трансформирует систему «стимул-решение-реакция» в систему «стимул-решение-реакция-трансляция», он транслирует свои решения другим людям, описывает свои реакции, имеет в отношении их определенную позицию. И если у животных некое подобие таких реакций детерминировано безусловно-рефлекторными механизмами, то у человека этот феномен связан с необходимостью социального взаимодействия и, в каком-то смысле, является требованием самой языковой (лингвистической) природы нашего сознания.

Онтологический вектор

Третий вектор «открытой системы человека» – онтологический. Он также представлен тремя уровнями (или «контурами»): бытие, реальность, индивидуальная реальность. «Бытие» психософия определяет как результат отношения человека с Сущим. Здесь речь идет о том, что человек, как и любая другая «вещь», проявляется лишь в отношении с другими вещами. Эти отношения в каком-то смысле создают «место» существования «вещи», по сути дела превращают ее из изначальной потенции в данность. Вот эта «данность» вещей и составляет собой *бытие*, а «вещи», принадлежащие бытию, таким образом, лишены спецификации. Свое

«лицо» они обретают на следующем онтологическом уровне, а здесь они просто обретают свое существование.

Следующий уровень онтологии получил в психософии название – «*реальность*». Реальностью охвачены уже не все «вещи», которые имеют «место» в *бытии*, но лишь те, которые укладываются в способ существования того, чью *реальность* мы в данном случае рассматриваем. В *реальности* человека, например, обнаруживаются все «вещи», которые могут быть восприняты в пространственно-временном качестве, а также имеют (или могут иметь) модальные характеристики разного рода интенсивности. Впрочем, какие-то другие *реальности* могут предполагаться нами только гипотетически, ведь мы в любом случае даже свою ментальную сферу полностью принимаем лишь в рамках своего *способа существования*, а это как раз – координаты времени, пространства, модальности и интенсивности.

Третий уровень онтологического вектора человека – это «*индивидуальная реальность*». Последняя охватывает собой все, что мы «знаем», поскольку для нас не существует просто «знания», какого-то абстрактного, объективного, отвлеченного от нашего личностного восприятия и понимания какого-либо предмета. Все в нашем мире (в мире каждого из нас) окутано дымкой наших личных, индивидуальных переживаний, все, с чем мы имеем дело, автоматически располагается в пространстве наших отношений. Мир, который мы воспринимаем, – это не только дома, улицы, небо, общественный транспорт, пьянчуга и добропорядочный гражданин (то есть все наделенное нами названиями, именами), но еще и наши оценки, отношение к этому воспринимаемому. Совершенно очевидно, что хотя все мы и живем в одном мире, но у каждого из нас свой мир – индивидуальный, особенный. Поэтому «о вкусах не спорят», поэтому «чужая душа – потемки», поэтому «у каждого своя правда», поэтому «со своим уставом в чужой монастырь не ходят» и так далее, и тому подобное.

Однако, несмотря на все это, менять *индивидуальную реальность* пациента (клиента) из нее самой представляется занятием малопродуктивным. Это, в ряде случаев, очень важно, как бывает важен косметический ремонт в «запущенном» помещении. Но системные, глубокие изменения в человеке возможны только в том случае, если мы затрагиваем иные «пласты мира», которые также наличествуют в нем, но недоступны ему сознательно, «из сознания». Мир означенный, мир названный, поименованный живет по правилам, которые диктуют ему сами эти названия: стул предлагает нам сесть, книга предлагает нам читать себя, ручка – писать. При этом сидеть, читать и писать – это тоже понятия, они тоже инструктируют нас и, вместе с тем, имеют большой личностный компонент, ведь «писать», например, это разные занятия для каждого из нас – для писателя, для врача, для бухгалтера и так далее, а также разные от нашего состояния, положения: писать признательные показания – это не то же самое, что заявление об увольнении или письмо родителям, любимым.

Иными словами, мы мыслим о себе в рамках *индивидуальной реальности*, но это вовсе не значит, что в нас отсутствует *реальность* – как то общее, в чем мы живем, параллельно с этим «играя в слова». У нас одна *реальность* с *реальностью* нашего домашнего любимца (кошки или собаки) – для него также существуют и наш стул, и наша книга, и наша ручка, только они не являются для него ни «ручкой», ни «книгой», ни «стулом». Где-то и внутри нас есть это ощущение мира, в котором вещи – это объекты с неопределенными и в этом смысле безграничными свойствами. И в нас также присутствует *бытие* – как способ отношения с сущностями вещей, с тем, что лежит за «материальным миром», развернутым в координатах нашего способа существования. И если *реальность* – это все еще мир, хотя и непоименованный, то *бытие* – это уже не мир, как мы можем о нем думать, это пространство мира, пространство возможностей, не обретших еще содержательных черт, способных их – эти потенции мира – ограничить, вписать в границы, придать им форму.

Личностный вектор

Четвертый вектор «открытой системы психологии» человека – это вектор личности. Личность – это результат социализации ребенка, или, иначе говоря, это человек как целостный процессуальный результат социальных отношений. Процесс формирования личности представляет собой процесс социализации ребенка, а процесс развития личности – те последовательные изменения, которые претерпевает уже сформированная личность, достигая разрушения приобретенных личностно-социальных конструктов, которые и составляют ее структуру, что обеспечивает изменение ее собственной сущности. Причем если процесс формирования личности достаточно четко связан с возрастными показателями, то процесс развития личности свободен от них.

Поскольку структура личности, а также процессы ее формирования и развития подробно описывались нами в книге «Развитие личности (психология и психотерапия)», здесь мы укажем только общие, узловые моменты.

Всякий из нас обладает тем, что открытая система психологии называет *первичным центром*, – то «глубокое Я», о наличии которого «внутри» себя каждый из нас «догадывается», но объяснить, показать, вывести на «свет божий» – не может. Это наша *сущность*. Именно благодаря этой своей сущности, этому своему глубинному «я», человек способен вступать в особые, глубокие и значительные – *индивидуальные – отношения* с сущностями других людей и мира (как бытия). Заметим, что, хоть мы и говорим – «способен», это вовсе не значит, что всякий реализует эту возможность. Эта возможность, хотя несколько в другом качестве, реализуется нами в самом раннем детстве, но после, в результате социализации (в процессе формирования личности, выстраивания ее «контуров»), мы ее утрачиваем. Далее она появится у нас, только когда мы пересечем два экватора на пути процесса развития личности, пройдем два его уровня. При условии, конечно, что мы вообще окажемся на пути процесса развития личности, который не является «обязательным» и знаком далеко не всем.

Сама по себе «личность» человека (в этом смысле противопоставленная *сущностному я*) пребывает не в индивидуальных, а *формальных отношениях* с другими людьми и миром в целом. Это самые обычные для нас отношения, которые могут задействовать и весь спектр эмоций, и «высших чувств», и какие угодно когнитивные системы, но без участия нашей сущности, без ощущения растворенности нас в отношениях с другим. Причем такие отношения бывают двух типов – те, которые, как нам кажется, идут от нас, наших желаний, влечений, – это *формально-личностные отношения*, и те, которые мы ощущаем как чуждые, противоестественные, неудобные, навязанные нам, которых бы нам хотелось избежать, – это *транзиторно-формальные отношения*. Проявляются эти отношения в ролевом поведении.

Будучи в своем «обычном» состоянии, в состоянии *формальных отношений* с другими людьми и миром, мы всегда исполняем ту или иную роль – то ли «отца», то ли «мужа», то ли «сына», или же «подчиненного», «начальника», «пассажира» и «покупателя». Очевидно, что всякий раз мы в этих *ролях* разные, нам даже не надо настраиваться на них, менять «костюмы и грим» – это происходит само собой, автоматически. Вспомните хотя бы ваше поведение в отношении матери или отца, казалось бы, одна роль – в том и в другом случае вы сын (или дочь), но ведь ваше поведение в этих двух случаях неодинаково. Однако, одно дело чувствовать себя сыном (дочерью) своих родителей (это я-отождествленная роль), другое дело, например, пытаться стать сыном (дочерью) кому-нибудь, то есть не просто называть чужого мужчину папой, но и ощущать себя его ребенком (это я-неотождествленная роль). Итак, те роли, которые реализуют формально-личностные отношения, переживаются нами как *я-отождествленные роли*; те же, что сопровождают транзиторно-формальные отношения, ощущаются нами как *неотождествленные нам, или я-неотождествленные роли*.

Почувствовать формальность, «противоестественность», искусственность я-неотождествленных ролей достаточно просто. Они, как правило, тяготят нас необходимостью их «играть», зачастую мы отдаем себе отчет в том, что наше поведение в этих отношениях ненастоящее, «официальное», наигранное. Однако, почувствовать, что в я-отождествленных ролях наши отношения также формальны, нам весьма не просто, на то они нам и «тождественны». В чем же формальность роли, которую мы не ощущаем как наигранную? Здесь вопрос в том, как бы мы относились к человеку, если бы считали его своим родителем или супругом, но им (гипотетически, по данным некоего мыслительного эксперимента), при всех прочих равных (с той же внешностью, характером, привычками, положением, заработком и т. п.), был *другой*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.